

VIII Бағызбаева оқулары

**«ЖАЛПЫ ҒЫЛЫМИ ПАРАДИГМА
АЯСЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИ
ФИЛОЛОГИЯНЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»**

**Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференция материалдары**

Алматы, 28 сәуір 2016 жыл

**VIII Бағизбаевские чтения
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЫ»**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

Алматы, 28 апреля 2016 года

Редакционная коллегия:
Член-корреспондент НАН РК, д.ф.н., профессор Б.У. Джолдасбекова
старший преподаватель Ж.А. Баянбаева
преподаватель Г.Б. Айнабекова
докторант PhD А.О. Эзизова
докторант PhD И.В. Григорьева
преподаватель Н.Б. Итжанова

На обложке книги репродукция картины
художника И.Н. Панченко «Жар-птица»

Актуальные проблемы современной филологии в контексте общей научной парадигмы. VIII Багизбаевские чтения: Материалы международной научно-практической конференции. 28 апреля 2016 г. – Алматы, «Казак университеті» 2016. - 429 с.

ISBN 978-601-04-1889-9

В сборник вошли материалы исследований ученых Казахстана, России, Испании, Турции, Таджикистана, посвященные актуальным вопросам литературы и языка, прикладным аспектам филологической науки, а также процессам технологизации процесса обучения в системе непрерывного образования и интегрированных образовательных программ.

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИИ

Изучение творчества писателей-сибиряков в рамках программы подготовки филологов

Джолдасбекова Б.У.¹, Баянбаева Ж.А.²
¹член-корреспондент НАН РК, д.ф.н., профессор, ²ст. преп.
КазНУ имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан,
Baiyan_zh@mail.ru, BayanbaevaZhadra@mail.ru

В наши дни невозможно представить развитие какой-либо национальной литературы без взаимодействия с жизнью и культурой других народов, без соприкосновения с инонациональным материалом.

Проблема воплощения характера человека другой национальной среды в русской литературе, воссоздание инонациональной нравственно-психологической стихии приобретает особую значимость в литературоведении. Она непосредственно связана с развитием одного из ведущих направлений литературоведческой науки и критики – проблемы литературных взаимодействий и их ролью в формировании общности литератур.

Изучение творческого взаимодействия национальных художественных культур имеет значение не только сугубо литературоведческое, но также общественно-политическое, поскольку является ярким свидетелем интернационализма.

В раскрытии этой темы особый интерес представляет творчество русского писателя Г.Д. Гребенщикова – нашего земляка, проживавшего некоторое время в Семипалатинске.

Национальная действительность стала объектом художественного изображения в прозе Г.Д. Гребенщикова, что не могло не отразиться на мировосприятии писателя, на формирование идейно-образной структуры его прозы. Соприкосновение с новым материалом имело для жизненной и творческой судьбы писателя исключительное значение.

В 1905 году в газете «Семипалатинский листок» под псевдонимом «Крестьянин Г-ш...» появились первые печатные произведения Г.Д. Гребенщикова. Это были рассказы, очерки, статьи, стихи и корреспонденции «Не суждено» (февраль), «В дороге» (март), «О мужике» (июль), «На пасеке у Вехи» (август); «Луч мира» (стихи, август), «Наиву бредят» (сентябрь), «О деревенской бабе» (октябрь). В апреле 1906 г. уже появилась книга «Отголоски сибирских окраин», куда вошли многие из перечисленных произведений с добавлением рассказа «Нахал» и под настоящим именем.

Самым крупным событием жизни Гребенщикова в 1910-1911 годах были его поездки на Алтай с целью «этнографических и бытовых наблюдений», как он писал в автобиографии после поездок на Алтай. У писателя сложилось

сознательное отношение к вере вообще и к старообрядчеству в особенности,

обострилось внимание к так называемой инородческой проблеме, наступила пора ее художественного осмысления.

Раннее творчество Г.Д. Гребенщикова развивалось всецело в русле критического реализма. Распад старого, патриархального уклада под натиском городской цивилизации в быту и нравах старообрядческой сибирской деревни, в юрте степняка-кочевника составляли содержание многих его произведений. Тематика их не слишком разнообразна. В основном она сводилась к изображению жизни алтайской деревни борьбы кержаков-раскольников с крестьянами-переселенцами за лесные и земельные угодья.

Большое место в рассказах и повестях Гребенщикова занимали пейзажные зарисовки, сцены, показывающие единение человека и природы, гармоничное слияние с ней. Сибирь, особенно Алтай, изображались писателем благодатным краем, где люди живут зажиточной, привольной жизнью.

В творческом наследии Гребенщикова большое место занимает многотомная эпопея «Чураевы», названной автором «романом-хроникой одной старообрядческой семьи».

Жизнь старообрядцев на Алтае много лет привлекала пристальное внимание писателя. Еще в 1911 году он писал о них Горькому: «Это, конечно, дикари, но дикари, не знавшие рабства, а как это интересно и оригинально для России. Нет, непременно буду писать и повесть и еще пьесу» [1].

Вскоре после этого письма появился его рассказ «Убежище», повествующий о том, как раскольники, соблюдая «древнее благочестие», уходят молиться своему богу в заповедные, тайные пещеры. Затем Гребенщиков пишет пьесу «Семья Чураевых» и далее роман.

«Чураевы» – это широкое, многоплановое повествование о судьбах отцов и детей, о судьбах поколений.

Страницы шеститомного романа Гребенщикова «Чураевы» насыщены острым драматизмом, особенно там, где речь идет о столкновении младшего сына с отцом, о любви братьев Викула и Василия к одной женщине. Основное действие разворачивается на Алтае, в окружении неповторимо прекрасной алтайской природы, изображенной во всем великолепии ее красок.

Не раз внимание Гребенщикова – художника привлекает судьба одинокого, обездоленного «маленького человека» («Степашкина любовь», «Онора», «По указу»). Горечью пропитан его рассказ с выразительным названием «Свора», в котором раскрывается драма молодой учительницы, только что прибывшей в село и сразу ставшей объектом нападков со стороны

местного попа и церковного старосты за то, что она дает крестьянам газеты.

Писательское дарование Гребенщикова развивается в процессе преодоления противоречий и в характере, и в мировосприятии, насыщенных крайностями.

В отличие от своих современников, тоже пишущих о коренных народностях Сибири: А. Новоселова, В. Шишкова, И. Гольдберга, Г. Гребенщиков, осваивая эту тему, стремился не только к созданию индивидуального характера, сколько к воспроизведению национального самосознания, самого способа мышления. Он пытается проникнуть в тайники сознания иного народа, смоделировать его взгляд на мир, оценить явление с позиции социально-нравственных воззрений человека другой национальности.

В этом сходство Г. Гребенщикова с А. Сорокиным, но в отличие от последнего, он отказывается от стилизованного повествования – сказа и легенды: они включаются в сознание героя, которое формируется на их основе.

Через индивидуальный способ мышления раскрывается определенный тип национального мировоззрения, судьба героя приобретает значение символа.

Чрезвычайно близки друг другу произведения Гребенщикова и Новоселова.

Александр Ефремович Новоселов – талантливый русский писатель-сибиряк. Еще в 1922 г. Ф. Березовский справедливо писал о нем в «Сибирских огнях»: «Новоселов был столь крупной фигурой, что будущий историк сибирской литературы и общественного движения Сибири не может обойти его имя». Александр Ефремович был еще молод, полон сил и желания работать в литературе. Он погиб в самом расцвете своего незаурядного художественного дарования [2, 89].

А.Е. Новоселов родился 5 ноября 1884 года в поселке Железнодорожном Павлодарского уезда, Семипалатинской области в семье казачьего офицера. Детство провел в казачьей и казахской среде, рано познакомился с нуждой русских переселенцев-односельчан и бесправных казахов. Внимание в жизни угнетенного народа, беспокойство за его судьбу, уважение к его здоровым обычаям питались детскими впечатлениями, близостью к трудовым людям всего жизненного уклада небогатой семьи Новоселова.

Его многочисленные поездки по Алтаю и Казахстану давали пищу для размышлений и обобщений. Он был действительным членом Западно-Сибирского отдела русского географического общества, собирал этнографический материал, записывал русский и казахский фольклор, печатал обширные отчеты о своих поездках.

Сохранилось два свидетельства доброго отношения М. Горького к книге очерков «Лицо моей родины» (1915 г.). В 1923 году, как рассказывает К. Урманов, по инициативе В. Зазубрина рукопись книги была запрошена у М. Горького. Алексей Максимович прислал ей с небольшим отзывом. В нем, по словам Урманова, говорилось: «У нас мало писателей, которые так умеют увидеть лицо своей родины. Это – замечательное произведение, полное любви к своему краю и огромное уважение к его людям». Другое – в воспоминаниях Г. Вяткина. М. Горький говорил ему: «Один из ваших сибиряков назвал свой очерк «Лицо моей родины». Хорошо. Лучше не придумаешь. А многие ли знают лицо своей родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знают Китай, чем Россию. А уже в отношении окраины и малых народностей мы совсем невежественны» [2, 115].

Книга «Лицо моей родины» состоит из лирических зарисовок из казахского быта, картин жизни переселенцев, описаний старообрядческих порядков в деревнях и селах Алтая.

Такие остросатирические страницы сменяются в сценах из жизни казахов, обнаруживается писательское уважение к чужим нравам и обычаям, искренняя забота о степных делах, желание понять, почему казахам день ото дня живется все хуже и хуже, осуждение царской колониальной политики по отношению к так называемым «малым народам».

А. Новоселов приветствует подлинную культуру, которая уничтожает дикие нравы и обычаи, сложившиеся у старообрядцев, сметет долго и искусственно задержавшуюся преграду. Как этнограф и историк, он обеспокоен тем, что необходимые и ценные свидетельства духовной культуры старой Руси могут исчезнуть бесследно. Как писатель и гражданин, он был убежден, что необходима критическая оценка того, что сохранилось от старообрядчества, нужно отобрать все ценное в нем.

А. Новоселов обращал внимание на то, что капиталистический город развращает людей, засасывает их в свою машинно-деловую суету, далекую от подлинности духовности; он сокрушался, что некоторые старообрядческие обычаи порушены и заменены отнюдь не лучшими правилами поведения, наоборот, стало в непомерных размерах распространяться пьянство, хулиганство, грубость во взаимоотношениях, неуважение к старшим; он обличал дурные стороны старообрядчества, приветствовал здоровую новизну отношений в их семьях, но не имел какой-то более или менее определенной программы действий, ничего не предлагал, не видел путей желаемого обновления русского общества. Больше того, в полном противоречии с тем, что сам же писал о старообрядцах, об их изуверских способах сохранить старину в неприкосновенности во что бы то ни стало, он вдруг начинает писать о «духовном возрождении» поморцев. Очевидно, что он тяготел к «здоровой» деревенской патриархальности совсем в духе Льва Толстого, которого он любил и у которого учился как художник.

Писатели-сибиряки – А. Сорокин, В. Шишков, Гольдберг, Г. Гребеншиков и др. непременно касались инонациональной темы. Эта тема была неотъемлемой частью творчества каждого из них. В их произведениях можно распознать черты, роднящие их с прекрасной традицией, завещанной декабристами. Творчество этих писателей вобрало в себя гуманистические традиции русского критического реализма. Успешно выступая с произведениями на «инородческую» тему, они, объединив свои силы и талант, самобытно проявили творческую индивидуальность, оказались

людьми одаренными и требовательными к себе, сумели «отфильтровать» и оформить устойчивые взгляды на искусство [3].

В повести «Исишкина мечта» изображена судьба человека, оторвавшегося от своей национальной почвы. После многолетней работы на купца Василия Матвеевича захотелось Исе вернуться к кочевой жизни. Поначалу дела у него складываются удачно, он устраивается поставщиком мяса для жителей станицы. Однако джуги лишает Ису всяких надежд на возможность самостоятельного существования. Он вынужден вернуться к прежнему хозяину.

В этой повести Новоселов занят исследованием сознания степного жителя в новых исторических обстоятельствах. «Каждое душевное движение глубоко и тонко мотивировано автором, каждый эпизод так или иначе говорит нам и большой внутренней чистоте и красоте забитого нуждой и изнурительной работой человека, редкие качества которого не раскрываются в полную меру...».

Иса живет во власти иллюзий, приукрашивающих суровую реальность. «Он знал себе цену. Знал, что на стороне Василий Матвеевич не нахвалится его, Исишкиной, честностью и хозяйственностью, хотя в глаза и ругает чуть не каждый день мошенником и вором. Но Исишка так привык к хозяйской ругани, что самые тяжелые слова производят на него такое же впечатление, как и падающий снег».

Автор вскрывает примечательную особенность душевного склада героя – склонность к иделизации. Иса верит в дружеское к себе отношение со стороны человека, безжалостно эксплуатировавшего его долгие годы. Безосновательность взглядов Исы становится очевидной, когда прорывается наружу хищнический облик его господина. В повести есть эпизод, описывающий жестокое избивание хозяином своего работника.

Мысль о возвращении в родные места возникает в сознании героя после разговора с Агафьей, убежденной в невозможности бегства из купеческого дома. Однажды она пыталась сделать это. По иронии судьбы именно Иса помог поймать беглянку. Безысходные речи Агафьи оказывают противоположное воздействие на Ису: «Вот он уже в степи. Вот богатый, всеми уважаемый. Сколько скота у него. Как все льстят ему! Как он... Мечты несут его все выше, выше, и вдруг нечаянный взгляд на продранную полу или стоптанный сапог бросает его вниз с невероятной силой» [4, 19]. Внутренний монолог, составленный из

внутренней речи персонажа и авторского описания душевных движений Исы, наглядно демонстрирует контраст между мечтаниями героя и конкретными обстоятельствами его жизни.

В период пребывания в родном ауле Иса испытывает небывалый подъем жизненных сил. Он с радостью откликнулся на предложение лавочника Михея Ивановича поработать заготовителем мяса. С помощью внутреннего монолога, написанного в форме несобственно-прямой речи, писатель воспроизводит ощущения героя, приблизившегося к желанной цели: «Домой Исишка ехал ханом...»

В арбе у него вместо барана ерзает полосатый кап с мукой, в кармане в такт толчкам позвякивают деньги, а самое главное, самое лучшее – впереди. Что у него впереди? Ах, вспомнил! Забойка! И он затаил во всю свою глотку бесконечную песню, да так и не замолкал уже до самого дома». (4, 30).

Автор отмечает резкую ломку характера Исы, вызванную улучшением материального благосостояния: «Трудно было в нем узнать того джатака, которому Василий Матвееч разбивал лицо и распатывал зубы. Пусть-ка тронет его кто-нибудь теперь! Теперь он сумеет постоять за себя» [4, 36].

Взяв на вооружение такие художественные средства, как внутренние монологи, диалоги, авторские комментарии, описания природы, А. Новоселов достигает поставленной им задачи вскрытия духовной драмы своего героя-казаха.

В творчестве другого известного сибирского писателя Антона Семеновича Сорокина (1884-1928) можно выделить круг идей, волновавших и Гребенщикова, и Новоселова.

А. Сорокин пытался зафиксировать в своих рассказах элементы стихийного бунтарства против капиталистической индустриализации и урбанизации. Концепция казахского характера в прозе А. Сорокина во многом совпадает с трактовками Г.Д. Гребенщикова, А.Е. Новоселова, стремившихся к идеализации душевных наклонностей степняка, выросшего в условиях единения с природой.

Рассказ «В тридевятом царстве», созданный в годы первой мировой войны и утверждающий «парящую высоко над людскими распряями» мечту о том, чтобы земля стала для людей всех нации и верований «одним неделимым ласковым отечеством». Вместе с тем в решении инациональной темы Г. Гребенщиков шел от общедемократических, гуманистических традиций русской

реалистической литературы. Русская литература в перспективе способствовала формированию в национальных литературах «принципов изображения национальной жизни в ее историческом развитии, в связях с судьбами других народов, в сложной диалектике национального и интернационального, социального и общечеловеческого» [5, 116].

Самобытность русского национального характера писатель связывал с патриархальным бытом старообрядцев, раскольников, крестьян. Этим объясняется и увлечение писателя учением Л.Н. Толстого. Своеобразное мироощущение Г.Д. Гребенщикова наложило свой отпечаток и на произведение, отображающую казахскую действительность. Сюжетно-композиционная структура повести «Ханство Батырбека», основанная на противопоставлении прошлого и настоящего в жизни степного кочевья, отображает односторонние взгляды художника, полагавшего, что кочевой уклад существования и цивилизация несовместимы. Протестуя против насильственных колонизаций края, писатель идеализирует кочевой мир. Вместе с тем необходимо отметить, что призывы писателя к сохранению национальной культуры остаются актуальными и на современном этапе. В повести писатель разрабатывает концепцию «детей природы».

Обращение к прозаическим произведениям писателей-сибиряков позволяет с уверенностью утверждать, что инонациональная тема широко представлена в их творчестве. При помощи средств психологического анализа (внутренний монолог, прямая речь, пейзажные и природные описания, авторский комментарий) писатели глубоко проникли и в своеобразие национального сознания, в историю, культуру, духовную жизнь и быт других народов.

Литература:

1. Журнал «Сибирские огни», 1936 г. – №4, – с. 115
2. Литературное наследство Сибири, т.1. – с. 21.
3. Яновский Н.Н. Голоса времени. – Новосибирск: Зап.-Сибирское кн.издательство, 1971. – с. 90.
4. Новоселов А.Е. Беловодье. Повести, рассказы, очерки. –Иркутск: Вост.-Сибир.книж.изд-во, 1981. – с. 6.
5. Якимова Л.П. Об одном малоизученном аспекте интернационализма и развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока. – Ташкент, 1976. – с. 226.

Зуева Н.Ю. К вопросу преподавания сочетаемости слов русского языка в группах с казахским языком обучения 241

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИИ

<i>Джолдасбекова Б.У., Баянбаева Ж.А.</i> Изучение творчества писателей-сибиряков в рамках программы подготовки филологов	245
<i>Жаксылыков А.Ж.</i> Методические аспекты изучения поэзии жырау и проблемы перевода концептов и экспрессив	253
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Художественная концепция творческой личности в литературе Казахстана	262
<i>Салханова Ж.Х.</i> Анализ и интерпретация художественного текста	270
<i>Григорьева Т.М.</i> Из наблюдений над поэтической ономастикой И.Ф. Анненского	275
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Научно-методические основы изучения проблемы человеческого достоинства в произведениях Л. Андреева и А. Куприна	280
<i>Какимешева Н.Т.</i> Научно-методические аспекты изучения мотива и сюжета в трилогии Д.Ф. Снегина «В городе верном»	287
<i>Скочнягина И.С.</i> Визуальная антропология в прозе на примере новеллы В.Я. Брюсова «Бемоль»	294
<i>Doç. Dr. Veuhap Asma Anton Çehov ve çocuk'a bakışı</i>	301
<i>Абишева С.Д., Поляк З.Н.</i> Изучение творчества Надежды Черновой в школе и вузе	306
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Гипертекстовые технологии исследования лирики Олжаса Сулейменова	312
<i>Ломова Е.А.</i> "Family issue" in the reception russian-anglo-american slavic studies	318
<i>Sarsekeeva N.K., Iskakova A.T.</i> The problem of borrowing and interpretation mythological images in fiction literature	323
<i>Хайрушева Е.Е.</i> «Чувство дороги» в поэзии Б. Канапьянова	332
<i>Утепова Р.Т.</i> An innovative view of the conflict in the literature	337
<i>Глеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У.</i> Один из методов анализа художественного произведения	342
<i>Әзизова А.О., Джолдасбекова Б.У.</i> К вопросу о национальных образах в русской прозе Казахстана	350
<i>Сейтқазы Э.А.</i> Изучение параллели национального мышления в произведениях жырау и О. Бокеева	355
<i>Сейтқазы Э.А.</i> О.Бөкей шығармаларындағы әлемнің ұлттық бейнесінің көрінісі жөніндегі теориялық мәселелерді оқыту	361
<i>Ибраева Д.С.</i> Образ дома в романе Г.К. Бельгера "Дом скитальца"	367
<i>Афанасьева А.С., Сарсекеева Н.К.</i> Архетип «дом» как регулятивный	373